

© 2005 г. В.И. ПОДЛЕССКАЯ

РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ *ДАТЬ/ДАВАТЬ*: ОТ ПРЯМЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ К ГРАММАТИКАЛИЗОВАННЫМ*

В работе рассматриваются русские пермиссивные конструкции с грамматикализованными глаголами *дать/давать*, представленные примерами типа *Мы дали Пете спеть. Пете долго не давали петь*. Выделяются следующие симптомы грамматикализации глаголов *дать/давать* в конструкциях данного класса: (1) семантический сдвиг – метафоризация прототипического значения “смены собственника”; (2) реакция на грамматические тесты – изменение сферы действия отрицания, запрет на безличный пассив и ряд других; (3) синтаксические ограничения – ограничения на референциальный контроль субъекта зависимого инфинитива; (4) дискурсивные ограничения – ограничения на использование в определенных типах речевых актов и в определенных дискурсивных режимах.

1. ВВЕДЕНИЕ: А. ЧТО ИЗВЕСТНО ПРО “НЕПРЯМЫЕ” УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ “ДАТЬ” (“ДАВАТЬ”)? Б. ЗАДАЧА РАБОТЫ

1.1. В языках мира глаголы со значением “смены собственника” (далее – *Д*-глаголы) широко используются в составе полностью или частично грамматикализованных конструкций. В качестве наиболее типичного результата грамматикализации *Д*-глаголов обычно приводятся бенефактивные конструкции, конструкции с каузативно-пермиссивной функцией, аппликативы и императивы [Heine et al. 1993: 97–103], [Heine, Kuteva 2002: 149–155].

1.2. В русском языке системным результатом грамматикализации *Д*-глаголов являются пермиссивные (1)–(2) и гортативные (3)–(5) конструкции [Храковский, Володин 1986: 129–131; Тоорс 1988; 1991; Грамматика 1970: 364, 416, 582, 613; Грамматика 1980, I: 624–625]. В составе гортативных конструкций возможен только глагол несовершенного вида *давать*, а в составе пермиссивных конструкций возможны как глагол совершенного вида *дать* (1а, 2), так и глагол несовершенного вида *давать* (1б). И в гортативных, и в пермиссивных конструкциях знаменательный глагол может иметь форму инфинитива (1), (3) или форму индикатива будущего времени (2), (4), (5). Пермиссивные конструкции типа (2) и гортативные конструкции типа (5) – со знаменательным глаголом в форме индикатива будущего времени с выраженным подлежащим – образуют минимальную видовую пару по вспомогательному глаголу – *дать* vs. *давать*.

- (1) а. *Мы дали Пете спеть.*
б. *Пете не давали петь.*
- (2) *Дай я сам всё сделаю!*
- (3) *Давай петь!*
- (4) *Давай спойм!*
- (5) *Давай я сам всё сделаю!*

* Корпусный материал для настоящего исследования собран при поддержке гранта РГНФ 04-04-00220а. Некоторые положения данной статьи обсуждались в более ранней работе автора [Подлесская 2004].

1.3. В лингвистике неоднократно предпринимались попытки объяснить, почему в неродственных языках разных типов не прямые употребления *Д*-глаголов обнаруживают очевидное функциональное сходство. Наибольшего успеха в этом направлении добились те исследователи, которые попытались вывести все значения *Д*-глаголов – в том числе, и в несамостоятельном употреблении – из их прототипического значения “смены владельца” на основе так называемых “базовых когнитивных схем” и стандартных механизмов метафоризации, см. [Newman 1993; 1996; 1997; Shibatani 1994; 2001; Langacker 1995]. Метафоризация значения “смены владельца”, безусловно, является необходимым (но не достаточным!) условием грамматикализации. В принципе, метафоризация базового значения возможна и без грамматикализации, т.е. без существенной редукции грамматических “свобод” *Д*-глаголов:

(6) *Паваротти дал концерт в Лондоне. Здесь операторы дали лицо крупным планом.*

Однако чаще всего метафоризация базового значения, действительно, сопровождается утратой семантических, сочетаемостных и морфосинтаксических “свобод” *Д*-глаголов. Так например, метафоризация значения может привести к возникновению ограничений на использование лексемы в том или ином дискурсивном режиме – интерактивном, т.е. при непосредственном взаимодействии локуторов или в нарративном, т.е. в тех случаях, когда говорящий и слушающий не совмещены в пространстве и времени речевого акта (ср. противопоставление “дейктического” и “нарративного” режимов по терминологии Е.В. Падучевой [Падучева 1996: 265], восходящей к представлению о разграничении “плана речи” и “плана истории” [Бенвенист 1974] и о “канонической речевой ситуации” [Lyons 1978]). Так, предложение (7), в котором *Д*-глагол употреблен в одном из своих метафоризованных значений, возможно только в интерактивном дискурсивном режиме и невозможно в нарративном режиме. Рефлексом этого ограничения является то, что (7) не может быть помещено в позицию сентенциального актанта перцептивных или когнитивных глаголов:

(7) *Ну, Петя даёт!*

(8) а. **Я видел, как Петя даёт.*

б. *Я видел, как Петя даёт Васе книгу.*

1.4. Основной предмет рассмотрения в данной работе – семантика русских пермиссивных конструкций с грамматикализованными *Д*-глаголами. Мы постараемся показать, что особенности употребления этих конструкций могут естественно интерпретироваться как рефлексy метафоризации прототипического значения глагола *дать* с его исходной падежной рамкой, проецирующей базовую когнитивную схему “смены владельца”: “старый владелец” = агенс (оформляется как подлежащее в именительном падеже)/“объект, передаваемый от одного владельца другому” = пациенс (оформляется как прямое дополнение в винительном падеже) / “новый владелец” = адресат (оформляется как дополнение в дательном падеже). В нашу задачу входит также продемонстрировать следующие симптомы грамматикализации *Д*-глаголов в русских пермиссивных конструкциях:

- семантический сдвиг,
- реакция на грамматические тесты,
- синтаксические ограничения (контроль субъекта зависимого инфинитивного оборота),
- дискурсивные ограничения (ограничения на использование в определенных типах речевых актов и в определенных дискурсивных режимах).

2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ: Д-ГЛАГОЛЫ И ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ПЕРМИССИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ (РАЗРЕШИТЬ, ПОЗВОЛИТЬ). ТИПЫ ПЕРМИССИВНОЙ КАУЗАЦИИ

2.1. Значение Д-глаголов в составе пермиссивных конструкций претерпевает сдвиг, который определяется следующей модификацией базовой когнитивной схемы “смены владельца”:

предоставление физического объекта в собственность → предоставление ресурса (возможности / условий) для осуществления действия (“старый владелец” = “распорядитель”; “новый владелец” = “исполнитель”; действие, которое исполнитель осуществляет при помощи предоставленного ресурса, выражается в знаменательном глаголе).

Так, в примере (1) распорядитель, предоставляющий возможность осуществления действия, – “мы” (оформляется как подлежащее в именительном падеже), исполнитель “Петя” (оформляется как дополнение в дательном падеже), действие, которое исполнитель осуществляет при помощи предоставленного ресурса – “спать” (знаменательный глагол в инфинитиве).

Следует оговориться, что такого рода метафоризация базовой когнитивной схемы (ее можно условно назвать “пермиссивной”) не является универсальной основой грамматикализации Д-глаголов. В языках, в которых Д-глаголы грамматикализуются в составе бенефактивных и аппликативных конструкций, часто используется другой путь метафоризации (его можно условно назвать “бенефактивным”):

предоставление физического объекта в собственность → осуществление действия, в результате которого вырабатывается некоторый новый ресурс, и последующее предоставление этого ресурса другому лицу (“старый владелец” = “производитель ресурса”; “новый владелец” = “потребитель ресурса”; действие, в результате которого производится ресурс, выражается в знаменательном глаголе).

Пример метафоризации “бенефактивного” типа демонстрируют Д-глаголы в японском и корейском языках, смотри, например [Shibatani 1994]. Так, в предложении (9) (цитируется по [Shibatani 1994: 43], перевод и грамматическая разметка мои. – В.П.):

(9) *Boku wa Hanako ni futon o siite yatta*
Я TOP Ханакo IO фyтoн DO расстелить.CONV дать.PAST
'Я расстелил [для] Ханакo фyтoн' букв. "расстелив, дал"

производитель ресурса – “я” (оформляется как подлежащее в именительном падеже), потребитель произведенного ресурса – “Ханакo” (оформляется как дативное дополнение), действие, в результате которого производится ресурс, – “расстелить” (выражено глаголом в деепричастной форме). Таким образом, значение конструкции с Д-глаголом при метафоризации “бенефактивного” типа предполагает, что производство ресурса (действие, выраженное знаменательным глаголом) и передача ресурса осуществляются одним и тем же лицом, а при метафоризации пермиссивного типа – что передача ресурса осуществляется одним лицом, а использование этого ресурса (действие, выраженное знаменательным глаголом) осуществляется другим лицом.

2.2. Пермиссивные конструкции с Д-глаголами в русском языке семантически и морфосинтаксически близки инфинитивным конструкциям с прототипическими пермиссивными глаголами *разрешить* и *позволить*. В общем случае Д-глаголы и прототипические пермиссивные глаголы оказываются взаимозаменяемыми:

(10) *Вася дал / разрешил / позволил мне отдохнуть.*

2.3. Пермиссивная каузация, выражаемая конструкциями этого класса, может иметь два прочтения, одно из которых мы условно будем называть локутивно-пермиссивным, а другое фаворитивным.

Локутивно-пермиссивное прочтение: распорядитель сообщает (объявляет) о том, что не имеет возражений против того, чтобы исполнитель осуществил действие.

Фаворитивное прочтение: распорядитель создает условия для того, чтобы исполнитель осуществил действие. Условия создаются либо собственными действиями распорядителя, либо тем, что распорядитель воздерживается от собственных действий, которые препятствовали бы действиям исполнителя.

Мы усматриваем рефлекс прототипического значения “смены владельца” в том, что инфинитивные конструкции с *Д*-глаголами имеют преимущественно фаворитивное прочтение. В этом их главное отличие от других пермиссивных глаголов – конструкции с глаголом *разрешить* имеют преимущественно локутивно-пермиссивное прочтение, а конструкции с глаголом *позволить* могут иметь оба прочтения (в [Апресян 2003: 332] эти два прочтения рассматриваются как разные лексемы). Заметим также, что в локутивно-пермиссивном прочтении *позволить* звучит более книжно, чем *разрешить*, в фаворитивном прочтении этой разницы нет. Таким образом, различия между допустимыми прочтениями приводят к следующим сдвигам в составе пермиссивной конструкции с зависимым инфинитивом:

- (11) *дал поспать* “не препятствовал”,
разрешил поспать “сказал, что можно”,
позволил поспать “сказал, что можно (книжн.) и/или не препятствовал”.

3. ФАВОРИТИВНОЕ VS. ЛОКУТИВНО-ПЕРМИССИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ: ПРИЗНАКИ БОЛЬШЕЙ ИНТЕГРАЦИИ МАТРИЧНОГО *Д*-ГЛАГОЛА И ЕГО СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО АКТАНТА

Если рассматривать противопоставление фактитивной (прямой) и пермиссивной (непрямой) каузации как градуированное, то можно говорить, что при фаворитивном прочтении имеет место более фактитивная (прямая) каузация, чем при локутивно-пермиссивном прочтении. В частности, при фаворитивном прочтении распоряжение (предоставление ресурса) и использование этого ресурса всегда совпадают по времени и месту. Как следствие, при фаворитивном прочтении в конструкции обнаруживаются признаки большей интеграции матричного *Д*-глагола и его сентенциального (инфинитивного) актанта. Ниже будут рассмотрены некоторые из этих признаков.

3.1. В конструкциях с *Д*-глаголом в сферу действия **отрицания** может включаться только вся конструкция целиком, т.е. отрицание возможно только при *Д*-глаголе и невозможно при инфинитиве, в то время как другие пермиссивные глаголы допускают отрицание и при инфинитиве, ср. [Недялков, Никитина 1965; Тоорс 1988; 1991]:

- (12) *дали петь* // *не дали петь* // **дали не петь*;
(13) *разрешили (позволили) петь* // *не разрешили (не позволили) петь* // *разрешили (позволили) не петь*.

(Важно иметь в виду, что мы говорим лишь о **допустимости** отрицания как при пермиссивном глаголе, так и при инфинитиве, но не о **синонимичности** конструкций с отрицанием при главном глаголе и с отрицанием при инфинитиве. В работе [Иорданская 1985] было убедительно показано, что перенос отрицания от пермиссивного глагола к зависимому инфинитиву не является синонимической трансформацией, и были вскрыты причины семантического сдвига, наблюдаемого при переносе отрицания.)

Ограничение на позицию отрицания связано именно с фаворитивным значением, а не с конкретным *Д*-глаголом – конструкция с отрицанием при инфинитиве блокирует фаворитивное прочтение даже у тех глаголов, которые в принципе такое прочтение допускают:

позволили говорить

а. локутивно-пермиссивное прочтение “сказали, что можно говорить”,

б. фаворитивное прочтение “не препятствовали говорению”;

позволили не говорить

только локутивно-пермиссивное прочтение “сказали, что можно не говорить”.

3.2. Прототипические пермиссивные глаголы допускают **безличный пассив** в инфинитивных конструкциях, в то время как безличный пассив с глаголом *дать* в инфинитивных конструкциях невозможен:

(14) *По уставу им было разрешено / позволено (*дано) спать только до 6 часов.*

Исключение – сильно фразеологизированное употребление – под распорядителем понимается высшая сила, наделенная сверхчеловеческими возможностями:

(15) *Нам не дано предугадать...* (Ф. Тютчев).

По наблюдению Т. Майсака (высказанному в личной беседе), это исключение связано с метафоризацией особого значения пассивного причастия *Д*-глагола, которое наблюдается и вне конструкций с инфинитивом:

(16) *Кому много дано, с того много и взыщется.*

3.3. В конструкциях с *Д*-глаголом – в отличие от конструкций с *разрешить* и *позволить* – допускается неодушевленный исполнитель. Причина – более высокая степень фактитивности каузации при фаворитивном прочтении, т.е. при локутивном прочтении исполнитель должен быть способен воспринять сообщение о разрешении, а при фаворитивном прочтении никакой коммуникации между распорядителем и исполнителем не предполагается, поэтому исполнитель может оказаться неодушевленным:

(17) *Он дал (*разрешил, *позволил) бульону закипеть и только потом снял с огня.*

Вместе с тем, распорядитель должен иметь достаточную полноту контроля над каузируемой ситуацией. Так, в (17) ситуация, обозначаемая инфинитивом, представляет собой саморазвивающийся процесс, имеющий естественный предел, однако распорядитель имеет косвенный контроль над изменением фазы этой ситуации: он может способствовать запуску процесса (например, поставить бульон на огонь), не препятствовать его протеканию и по мере его завершения имеет возможность воспользоваться результатом. Роль распорядителя, способного контролировать смену фаз процесса, хорошо видна при сравнении правильного примера (18) и неправильного (18’):

(18) *Нужно дать белью высохнуть и только потом гладить;*

(18’) **Нужно дать лужам высохнуть и только потом идти гулять.*

3.4. В конструкциях с *Д*-глаголами распорядитель обладает даже большей полнотой контроля над каузируемой ситуацией, чем распорядитель в конструкциях с фаво-

ритивным *позволить*. Это проявляется, в частности, в том, что в конструкциях с *Д*-глаголами, в отличие от конструкций с *позволить*, запрещен неодушевленный агенс:

(19) *Твоя помощь позволила (*дала) мне избежать неприятностей.*

Сказанное касается и местоимений, замещающих предикацию:

(20) *Ты мне помог, и это позволило (*дало) мне избежать неприятностей.*

Это ограничение, однако, не является абсолютным [Тоорс 1988; 1991], оно снимается при отрицании, ср. пример (21), взятый из корпуса устных текстов (“Рассказы о сновидениях”, см. [Кибрик, Подлесская 2003]) и его неправильный вариант без отрицания (22):

(21) *И мне ... не давали шумы на улице спать;*

(22) **И мне давали шумы на улице спать.*

Неодушевленный субъект становится возможен именно при отрицании: по-видимому, это связано с тем, что в позитивной форме агенс конструкции осуществляет намеренное контролируемое действие, однако при отрицании конструкция обозначает отсутствие намеренного контролируемого действия, что делает легко доступным следующий шаг семантического сдвига – к неодушевленной причине.

3.5. И наконец, глагол *разрешить*, как имеющий преимущественно локутивно-пермиссивное прочтение, и, реже, глагол *позволить* – только в локутивно-пермиссивном прочтении – могут управлять прямой речью, см. [Апресян 2003: 334]. *Д*-глаголы, как не имеющие локутивно-пермиссивного прочтения, прямой речью управлять не могут, ср. *Можешь входить, – разрешил / позволил / *дал Петя.*

4. ОГРАНИЧЕНИЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРМИССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОСТАВЕ РАЗНЫХ ТИПОВ ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТОВ

4.1. Пермиссивные конструкции чаще и свободнее используются в речевых актах запроса-просьбы (испрашивания разрешения), чем в речевых актах ответа-разрешения. Причина – речевые акты разрешения не самостоятельны, а инициируются запросом-просьбой, ср. [Шмелева 1990; Апресян 2003: 330]. Ответ-разрешение может естественно сводиться к реплике согласия или даже невербальному действию без повторной характеристики речевого акта как разрешительного, тогда как именно в запросе содержатся языковые выражения с пермиссивной семантикой. Обычная форма пермиссивного глагола в составе просьбы-запроса – императив, и в этом случае возможны и фаворитивное, и локутивно-пермиссивное прочтение:

(23) *Дай / разреши / позволь детям побегать!*

(24) *Дайте / разрешите / позвольте пройти!*

4.2. Использование пермиссивных глаголов в речевых актах ответа-разрешения наталкивается на ряд ограничений. Прежде всего, в соответствии с природой перформативности, перформативное употребление пермиссивных глаголов несовершенного вида (*разрешать, позволять, давать*) подразумевает только локутивно-пермиссивное прочтение и исключает фаворитивное. Как следствие, естественное перформативное употребление формы 1 лица ед. числа настоящего времени возможно только для инфинитивных конструкций с глаголом *разрешать*. Инфинитивные конструкции с глаголом *давать* вообще не используются перформативно, а соответствующие формы глагола *позволять* используются в инфинитивных конструкциях перформативно только в локутивно-пермиссивном прочтении и в этом случае воспринимаются как книжные:

(25) *Я разрешаю / позволяю / *даю Вам остаться.*

Невозможно для глагола *давать* и перформативное использование формы страдательного залога (**Вам дается остаться*). Как показано в [Апресян 2003: 332], перформативное употребление формы страдательного залога в инфинитивных конструкциях с глаголом *разрешать* допустимо (*Проходить в верхней одежде не разрешается!*), а с глаголом *позволять* не вполне естественно (*Проходить в верхней одежде не позволяется!*).

4.3. Напротив, глаголы совершенного вида – *позволить* в фаворитивном прочтении (не имеющий в этом случае книжного оттенка) и *дать* – могут использоваться в отрицательной форме в речевых актах запрета-противодействия, призыва или предупреждения, где *разрешить* недопустимо. Эти речевые акты не являются дискурсивно связанными, т.е. не являются реакцией на просьбу-запрос:

(26) *Я не позволю / не дам / * не разрешу тебе врываться в мою комнату без спроса!*

(27) *Не позволим / не дадим / * не разрешим грабить народное добро!*

В (26), (27) подразумевается непосредственное воздействие распорядителя на исполнителя (речевой акт либо сопровождает это воздействие, либо предупреждает о нем), тем самым, мы имеем дело с более фактитивной каузацией, чем при локутивно-пермиссивном прочтении.

5. ПЕРМИССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЛИЧНОЙ ФОРМОЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОГО ГЛАГОЛА

В устной речи в составе просьбы-запроса вместо инфинитива может употребляться личная форма глагола будущего времени:

(28) а. *Дай / разреши / позволь я это сделаю!*

б. *Дайте / разрешите / позвольте Вася это сделает!*

Значение конструкций с финитной формой знаменательного глагола по сравнению с инфинитивными конструкциями сдвигается от пермиссивного к гортативному (в [Барентсен 2003а: 27], например, предлагается описывать это различие в терминах меньшей активности говорящего в инфинитивных конструкциях, подробнее см. следующий раздел).

Конструкции типа “Д-глагол плюс финитная форма” обнаруживают дополнительное ограничение морфосинтаксической вариативности по сравнению с конструкциями типа “Д-глагол плюс инфинитив” – (1) Д-глагол в них возможен только в форме императива, и (2) препозиция знаменательного глагола в финитной форме невозможна или существенно затруднена, тогда как препозиция инфинитива вполне допустима:

(29) *Пройти дайте!*

(30) *Пройду дайте!*

Особый класс составляют конструкции, в которых говорящий является и распорядителем, и исполнителем. В таких конструкциях Д-глагол обычно сопровождается частицей *-ка*, типичной для директивных речевых актов:

(31) *И тогда я подумал: “Дай-ка я тут посижу!”*

Морфосинтаксическая вариативность таких конструкций еще более ограничена: Д-глагол возможен только в императиве единственного числа, а знаменательный глагол только в первом лице единственного числа. Как это часто бывает в случае грамматикализации, за одной из форм видовременной парадигмы закрепляется особая

прагматическая функция, в данном случае, выражение в форме внутреннего диалога намерения совершить действие.

6. ПЕРМИССИВ И ГОРТАТИВ

Пермиссивная конструкция с *Д*-глаголом и знаменательным глаголом в личной форме обнаруживает формальную и функциональную близость с гортативной конструкцией (о месте этих конструкций в составе императивной парадигмы см. [Храковский, Володин 1986: 120–131]; см. также корпусное исследование [Барентсен 2003б], продемонстрировавшее стремительный рост гортативных конструкций с совершенным видом знаменательного глагола в русском языке второй половины двадцатого века):

Пермиссив:

(32) *Дай Вася это сделает!*

Гортатив:

(33) *Давай Вася это сделает!*

Функциональная близость этих конструкций объясняется тем, что и испрашивание разрешения, и предложение осуществить некоторое действие направлены на получение санкции слушающего. В случае гортатива, ожидаемая санкция – подтверждение предположения говорящего о том, что слушающий не возражает против того, чтобы действие было осуществлено. В случае фаворитивного пермиссива, говорящий просит слушающего или устранить препятствия, или воздержаться от того, что могло бы препятствовать действиям говорящего.

Функциональная близость пермиссива и гортатива лежат в основе того широко известного факта, что в языках мира эти два значения часто оказываются рядом в грамматикационной цепочке. Типичный пример – английский глагол *let*, гортативное значение которого развилось из пермиссивного, см., например [Hopper, Traugott 1993: 10–14]. Особенность русского случая состоит в том, что за различие между пермиссивом и гортативом отвечает вид *Д*-глагола (ср. приводимые в [Барентсен 2003а] параллели с видовым распределением в “обычных”, не грамматикализованных императивах). Обе конструкции сосуществуют в синхронном срезе языка, и нет данных, которые позволяли бы говорить о том, что одна из этих конструкций исторически восходит к другой.

7. Д-ГЛАГОЛЫ В ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ПАЦИЕНСОМ

7.1. В отличие от глаголов *разрешить* и *позволить*, *Д*-глаголы допускают еще и конструкции, в которых наряду с инфинитивным дополнением имеется не два, а три именных аргумента: помимо агенса (“распорядителя”) и адресата (“исполнителя”) в них есть еще пациент (оформляется как прямое дополнение в винительном падеже) – объект, который распорядитель передает в пользование исполнителю:

(34) *Петя дал Васе книжку почитать.*

В таких конструкциях – в рабочем порядке мы их будем именовать **гибридными** – совмещается пермиссивное значение (в его фаворитивном прочтении) и прототипическое значение *Д*-глагола, с его исходной падежной рамкой (“старый владелец”=агенса / “объект, передаваемый от одного владельца другому”=пациент / “новый владелец”=адресат): путем передачи объекта в пользование исполнителю распорядитель создает условия для того, чтобы исполнитель осуществил действие. В синтаксическом смысле гибридность этих конструкций можно интерпретировать как совмещение синтаксических признаков актантного и сирконстантного (целевого) инфинитива (о семантических классах глаголов, допускающих бессоюзный сирконстантный зависимый инфинитив, см. [Пекелис 2002]).

7.2. В общем случае в инфинитивных конструкциях с *дать* – как и в других пермисивных конструкциях – субъект инфинитива не эксплицируется и его референт совпадает с референтом адресата матричного глагола, что подтверждается стандартными синтаксическими тестами, например, контролем плавающих определителей в составе инфинитивной группы (см. [Тестелец 2001: 295]):

(35) *Мы дали / разрешили / позволили сыну_i побыть одному_i.*

В гибридных конструкциях одновременное использование фаворитивной схемы и схемы “смены владельца” приводит к возникновению нетривиальных синтаксических свойств конструкции.

Согласно базовому правилу, сформулированному независимо в [Jackendoff 1972] и [Козинский 1985: 112–116], а впоследствии уточненному и блестяще интерпретированному в [Тестелец 2001: 288–295], референцию субъекта инфинитивного оборота контролирует один из актантов матричного предиката в соответствии с иерархией семантических ролей пациент > адресат > агенс. В примерах типа (35) *Мы дали / разрешили / позволили сыну_i побыть одному_i*, построенных по фаворитивной схеме, это правило соблюдается: из двух актантов матричного глагола, агенса и адресата, референцию субъекта инфинитивного оборота контролирует актант, расположенный в иерархии левее – адресат.

В гибридных конструкциях типа (34) *Петя дал Васе книжку почитать* это правило нарушено: возник “более левый” актант, пациент (*книжку*), но контроль тем не менее сохраняется за адресатом, находящимся в иерархии правее:

(34') *Петя дал Васе_i самому_i книжку почитать.*

В [Козинский 1985] это отклонение регулируется дополнительным правилом, его можно назвать “правилом передачи контроля вправо по иерархии”. Согласно этому дополнительному правилу партиципant, общий для матричного глагола и для инфинитива, утрачивает возможность контролировать референцию субъекта инфинитивной группы, и контроль переходит к актанту, находящемуся на один шаг правее в иерархии. Обычно при инфинитиве этот партиципant повторно не выражается, но выполняет роль пациента или инструмента.

7.3. Правило передачи контроля вправо активно эксплуатируется в интерактивном дискурсивном режиме, особенно когда в инфинитивной группе нет естественной возможности выразить соответствующий актант. Так, в следующем примере, взятом из корпуса устных текстов (“Рассказы о сновидениях”, см. [Кибрик, Подлесская 2003]):

(36) *Дай мне поиграть машинку!*

референт субъекта инфинитивной группы контролируется адресатом (*мне*) матричного глагола (*дай*), а именная группа *машинку* является одновременно пациентом матричного глагола и партиципantom инфинитива (*поиграть*). Выражение актанта с пациентно-инструментальной ролью при глаголе *поиграть* затруднено в единственном числе: *в машинки, в куклы, но ?в машинку, ?с машинкой, ?машинкой*. Тем не менее, соответствующий партиципant маркируется как прямое дополнение (винительным падежом) и линейно помещается после инфинитива – в позицию пациента инфинитивной группы. Возможности такого рода маркирования свидетельствуют о высокой степени синтаксической интеграции матричного глагола и инфинитива.

7.4. Другим свидетельством синтаксической интеграции гибридных конструкций может служить запрет на пассивизацию. Пациент, общий для матричного глагола и для инфинитива, не может продвинуться в позицию подлежащего, ср. **ему была дана*

книга почитать, *ему была дана машинка поиграть. В самостоятельном же употреблении глагол *дать* допускает пассивизацию, ср. *Пете дали справку* => *Пете была дана справка*. Тем самым, есть основания говорить, что в инфинитивных конструкциях с общим пациенсом у глагола *дать* ограничивается ресурс возможных синтаксических преобразований, что свидетельствует о его частичной грамматикализации.

7.5. В интерактивном дискурсивном режиме конкретно-референтный общий пациент легко опускается, если его референция восстанавливается из контекста: *У тебя что уже варенье готово? Дай попробовать!*; *Какой у тебя велосипед классный! Даешь прокатиться?* Предложения с опущенным конкретно-референтным пациенсом материально тождественны собственным пермиссивным конструкциям, а с функциональной точки зрения, отчетливо демонстрируют совмещение пермиссивного значения с исходным значением “смены владельца” (‘дай велосипед’ плюс ‘разреши [на нем] прокатиться’).

Интеграция таких конструкций достигает максимума, когда в вершине инфинитивной группы используются “консумационные” глаголы, типа *(по)есть*, *(по)пить*, *(по)курить*. Эти глаголы позволяют использовать в качестве партиципанта, общего для матричного глагола и для инфинитива, неопределенно-референтную именную группу, обозначающую объект потребления (‘еда’, ‘питье’, ‘курево’), неопределенное местоимение или вовсе опускать соответствующий актант:

(37) *Дай водички попить!* => *Дай чего-нибудь попить!* => *Дай попить!*

7.6. Сформулированное И.Ш. Козинским “правило передачи контроля вправо по иерархии” более жестко работает, если общий партиципant – неодушевленный объект, как *книжку* в (34) или *машинку* в (36). Если же пациент матричного глагола – одушевленный объект или, тем более, лицо, то при одном и том же матричном предикате, в нашем случае – при глаголе *дать*, возможны варианты выбора контролера субъекта инфинитивной группы. Субъект инфинитива может контролироваться пациенсом – в полном соответствии с иерархией семантических ролей. Другой вариант – субъект инфинитива контролируется адресатом матричного глагола, а пациент матричного глагола кореферентен другому партиципantu инфинитива. В конструкциях с одушевленным пациенсом появляются признаки ослабления интеграции – так, инфинитивная группа может отделяться от группы матричного глагола короткой паузой, группа матричного глагола может завершаться с понижением тона (с интонацией завершенности), в инфинитивной группе допускается употребление прономинальной копии пациента матричного глагола:

- (38) *Петя дал мне двух студентов (\) опробовать [на них] мою методику;*
- (39) *Петя дал мне двух информантов (\) поспрашивать [их] про склонение;*
- (40) *Мне дали двух учеников (\) к экзамену готовить;*
- (41) *Мне в жэке дали электрика (\) проводку чинить;*
- (42) *Петя дал мне личного секретаря (\) перепечатывать бумаги;*
- (43) *Петя дал мне двух помощников (\) контрольные проверять.*

В данной группе примеров в (38), (39) и (40) субъект инфинитива контролируется адресатом матричного глагола (*мне*), в (41) и (42) – пациенсом матричного глагола (*электрика*, *секретаря*), а в (43) вне контекста возможны три прочтения – “я буду делать что-то, а помощники будут проверять контрольные” (контролер – пациент), “я буду проверять контрольные, а помощники будут мне помогать” (контролер – адресат), “мы вместе будем проверять контрольные” (“совместный” контроль). Заметим, что даже в том случае, когда субъект инфинитивной группы контролируется пациенсом матричного глагола, а адресат матричного глагола не является партиципantom инфинитива, как в (41) и (42), адресат матричного глагола не устраняется из ситуации,

обозначаемой инфинитивной группой: подразумевается, что его референт – лицо, вовлеченное в эту ситуацию, например, заинтересованное в ее результате (в (41) – лицо, заинтересованное в ремонте проводки, в (42) – лицо, заинтересованное в перепечатавании бумаг).

7.7. Оговоримся, что для конструкций с общим пациенсом аргументированно мы можем говорить только о референциальном (“ролевом”) контроле, т.е. можно обсуждать, кто из участников матричной ситуации является “исполнителем” в ситуации, обозначенной инфинитивной группой. Вопрос о морфосинтаксическом контроле в таких конструкциях требует дополнительного изучения. По-видимому, признаки морфосинтаксического контроля легче обнаружить в тех случаях, когда референция субъекта инфинитивной группы контролируется адресатом матричного глагола, чем в тех случаях, когда референция субъекта инфинитивной группы контролируется пациенсом матричного глагола. Так, при адресатном контроле допустимо (хотя и несколько неудобно) кореферентное употребление рефлексива в составе инфинитивной группы:

(44) *Мне; дали двух молодых сотрудников готовить [их] себе; на смену.*

При пациентном контроле для теста на рефлексив не удастся подобрать естественно-го контекста. Однако, как уже сказано, доказательство морфосинтаксического контроля в таких конструкциях требует специального исследования.

7.8. Альтернативный “ролевой” контроль субъекта инфинитивной группы в случаях типа (38)–(43), по-видимому, связан с одновременным действием конкурирующих тенденций. Причина конкуренции – непрототипический пациент, обладающий высокой агентивностью. Если конструкция форматируется по когнитивной схеме “смены владельца”, то “неуместная” агентивность пациента игнорируется, права пациента на контроль субъекта инфинитивной группы нейтрализуются, и ими – в соответствии с дополнительным правилом И.Ш. Козинского – наделяется адресат. В этом случае пациент понимается как лишенный самостоятельности объект, переходящий в распоряжение от старого владельца к новому. Если, напротив, в конструкции актуализируется высокая агентивность пациента, то включается базовая иерархия семантических ролей пациент > адресат > агент, и в соответствии с ней пациент получает право контролировать субъект инфинитива. Вместе с тем, полностью “искоренить” влияние базовой схемы “смены владельца” не удастся, и адресат матричного глагола, даже утрачивая право контролировать субъект инфинитива, продолжает оставаться семантически интегрированным в ситуацию, обозначаемую инфинитивной группой, например, в качестве лица, заинтересованного в ее осуществлении. Именно наличие адресата, проецируемое базовой схемой “смены владельца”, обеспечивает грамматическую гибридность конструкции – совмещение в ней свойств конструкций с актантным инфинитивом (в данном случае – собственно пермисивных) и конструкций с бессоюзным сирконстантным (целевым) инфинитивом.

8. Д-ГЛАГОЛЫ В ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С РЕЛЯЦИОННЫМИ ИМЕНАМИ: Д-ГЛАГОЛЫ КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СЕРИИ OPER И/ИЛИ СЕРИИ CAUS

8.1. При Д-глаголах в позиции прямого дополнения широко употребляются реляционные имена, являющиеся семантическим центром конструкции и образующие с глаголом *дать* тесное семантическое и синтаксическое единство, ср. *дать бал, дать отпор, дать течь* и многие другие. Некоторые из таких конструкций могут иметь сен-тенциальный актант, который оформляется как инфинитивная группа:

(45) *Петров дал Иванову возможность уехать;*

(46) *Петров дал Иванову разрешение уехать;*

(47) *Петров дал Иванову обещание уехать.*

Инфинитивные конструкции с реляционным именем в позиции прямого дополнения отличаются по своим семантическим и синтаксическим свойствам от конструкций, в которых инфинитив непосредственно подчинен глаголу *дать*. Наиболее существенное отличие касается контроля субъекта в инфинитивной группе. Как мы видели, субъект инфинитива в собственно инфинитивных конструкциях в общем случае контролируется адресатом матричного глагола (*дать*), в особых случаях – пациенсом матричного глагола, но никогда не агенсом матричного глагола. В конструкциях с реляционными именами позиция пациенса матричного глагола закрыта самим реляционным именем и не участвует в распределении прав на контроль субъекта инфинитивной группы. Выбор же возможен между агенсом и адресатом матричного глагола. Этот выбор определяется словарными свойствами реляционного имени – его падежной рамкой. Слова *обещание, согласие, обет, клятва, слово, обязательство, зарок* и им подобные требуют в конструкции с *дать* агентивного контроля, что легко демонстрируется и синтаксическими тестами:

(48) *Маша_i дала отцу_j обещание одной_i в лес не ходить.*

Слова *разрешение, совет, поручение, приказ, задание* и подобные им требуют в конструкции с *дать* адресатного контроля:

(49) *Отец дал Маше_i совет одной_i в лес не ходить.*

Наконец, третью группу составляют слова типа *возможность, шанс, силы, право*:

(50) *Отец дал Маше_i право делать эту работу самой_i.*

Как видно из (50), в конструкции с *дать* эти слова также требуют адресатного контроля, но в отличие от слов типа *разрешение*, имеют исходную двухместную, а не трехместную падежную рамку (ср. *право* [чье, что делать] vs. *разрешение* [чье, кому, что делать]). Поэтому для слов этого класса в конструкции с *дать* осуществляется акцессивное преобразование, типичное для каузативных конструкций – добавление партиципанта с агентивными свойствами. Со словами типа *разрешение, совет, поручение, приказ, задание* в конструкции с *дать* акцессивного преобразования не происходит, поскольку соответствующий партиципанта с агентивными свойствами уже содержится в их исходной падежной рамке.

8.2. Наличие акцессивного преобразования и адресатного контроля сближает *дать*-конструкции со словами третьей группы и собственно инфинитивные пермиссивные конструкции с глаголом *дать*. В ряде контекстов они оказываются взаимозаменяемыми:

(51) *Родители дали детям право / возможность встретиться <=> Родители дали детям встретиться.*

Однако в конструкциях с реляционным именем связь между глаголом *дать* и инфинитивом опосредована, что приводит к снятию ряда ограничений, которые в собственно инфинитивных конструкциях обеспечивали семантическую и грамматическую интеграцию. Сравним собственно инфинитивную пермиссивную конструкцию с *дать* и наиболее близкую к ней конструкцию с реляционным именем *дать возможность*.

А. В конструкции с *дать возможность* разрешается использовать в позиции агенса реляционные имена или анафорические местоимения, отсылающие к пропозиции:

(52) *Хорошее образование дало ему возможность быстро найти работу;*

(53) *Он закончил престижный институт, и это дало ему возможность быстро найти работу.*

В собственно инфинитивных конструкциях с *дать*, как мы видели выше, возможен исключительно одушевленный агенс:

(52') **Хорошее образование дало ему быстро найти работу*;

(53') **Он закончил престижный институт, и это дало ему быстро найти работу*.

Б. В конструкции с *дать возможность* разрешается использовать отрицание при инфинитиве, тогда как в собственно инфинитивных конструкциях с *дать*, как было показано выше, отрицание возможно только при *дать* и невозможно при инфинитиве:

(54) *Петров дал Иванову возможность не отвлекаться на поиски случайной работы*;

(55) **Петров дал Иванову не отвлекаться на поиски случайной работы*.

В. Поскольку в конструкциях с *дать возможность* реляционное имя (*возможность*) синтаксически является полноценным прямым дополнением, эти конструкции легко пассивизируются, тогда как в собственно инфинитивных конструкциях с *дать*, как было показано выше, пассивизация невозможна:

(56) *Ему была дана возможность [спокойно] почитать*;

(57) **Ему было дано [спокойно] почитать*.

Г. Конструкция с *дать возможность* нейтральна относительно противопоставления фаворитивного и локутивно-пермиссивного прочтения, поэтому в несовершенном виде она может употребляться перформативно, тогда как для собственно инфинитивных конструкций с *дать*, как было показано, перформативное употребление невозможно:

(58) *Даю вам последнюю возможность решить эту задачу*;

(59) **Даю вам решить эту задачу*.

8.3. На фоне перечисленных различий обращает на себя внимание одно существенное сходство между конструкциями с реляционными именами типа *дать возможность* и собственно инфинитивных конструкций с *дать*. Оба этих класса конструкций представляют из себя гораздо более тесное морфосинтаксическое единство, чем конструкции с полнозначным глаголом *дать* в исходном значении “смены владельца”. Высокая степень интеграции таких конструкций проявляется не только в упоминавшихся выше грамматических ограничениях, но и в особенностях их дискурсивного поведения. Так, при повторном упоминании эти конструкции не могут быть свернуты и представлены одним глаголом *дать* – без реляционного имени или без инфинитива, соответственно, тогда как полнозначный глагол *дать* естественно выступает представителем пропозиции при отсылке к ней в последующем дискурсе, ср.:

(60) *Я попросил его дать мне машину, и он дал; Он не хотел давать мне машину, но, в конце концов, дал.*

но

(61) ?*Я попросил его дать мне поспать, и он дал*;

(62) ?*Я попросил его дать мне возможность поспать, и он дал.*

Интересно, что гибридные конструкции с *дать*, в которых наряду с инфинитивным дополнением имеется неодушевленный пациент (*Петя дал Васе книжку почитать*), могут быть свернуты и представлены в последующем дискурсе глаголом *дать* без инфинитива. Так приведенный выше пример (36) *Дай мне поиграть машинку!* взят из следующего реального контекста (корпус “Рассказов о свиданиях”):

(36') *Подходит это ... мальчик ... ну к другому и говорит: “Дай мне поиграть машинку”. А тот говорит: “Нет, я тебе не дам, потому что ты со мной дерёшься”. А он говорит: “Ну, пожалуйста”. Ну, он дал.*

Эта особенность дискурсивного поведения – еще одно проявление “гибридности” конструкций с неодушевленным пациенсом, общим для глагола *дать* и подчиненного инфинитива: такие конструкции совмещают свойства пермиссивных инфинитивных конструкций и свойства, присущие прототипическому употреблению глагола *дать*, с его исходной падежной рамкой (агенса / пациенс / адресат).

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прототипическое значение глагола *дать* – “смена владельца” – подвергается в рассмотренных конструкциях семантическому сдвигу, который можно квалифицировать как метафоризацию структуры события в смысле Дж. Лакоффа [Lakoff 1992]: в данном случае метафорическим переносом связываются предоставление физического объекта в собственность и предоставление ресурса (возможности / условий) для осуществления действия (пермиссивность). Грамматикализация, как известно, почти всегда связана с семантической редукцией, опирающейся на перенос по сходству от конкретных понятий к более абстрактным (см., например [Nopper, Traugott 1993: 77–80] и библиографию там же). Обратное, разумеется, не верно – метафоризация значения не обязательно влечет за собой грамматикализацию единицы. Однако можно предположить, что типы семантических сдвигов, которые обнаруживаются у некоторой единицы в составе грамматикализованных конструкций, составляют подкласс тех сдвигов, которые для данной единицы возможны в самостоятельном употреблении (для ряда языков это предположение подтверждено специальными исследованиями, см., например [Taub 1998]). Так, в русском языке имеются многочисленные примеры метафорических употреблений глагола *дать*, не обнаруживающих существенных признаков грамматикализации, и для них наиболее типичен переход именно в каузативно-пермиссивную зону, ср. *Нам вчера дали горячую воду; Торговля недвижимостью дает ему миллион в год; Ему дали отпуск; Семена дали ростки* и проч. Поэтому при многофакторном анализе инфинитивных конструкций с *дать* правомерно рассматривать метафорический сдвиг данного типа в качестве косвенного аргумента в пользу признания таких конструкций грамматикализованными.

Прямым же аргументом в пользу признания таких конструкций грамматикализованными является тот факт, что семантический сдвиг от прототипического значения “смены владельца” к каузативно-пермиссивному значению в этих конструкциях сопровождается редукцией семантических, сочетаемостных и морфосинтаксических “свобод” *Д*-глагола. Основным симптомом редукции является морфосинтаксическая интеграция компонентов этих конструкций, которая обнаруживается в реакциях на такие тесты, как пассивизация, изменение полярности, в ограничениях на одушевленность агенса и одушевленность адресата, в ограничениях на контроль референции субъекта инфинитивной группы.

Нам удалось также обнаружить еще один класс симптомов, позволяющих квалифицировать пермиссивные конструкции с *дать* как грамматикализованные. Этот класс симптомов связан с употреблением интересующих нас конструкций в дискурсе. В частности, это изменение – по сравнению с исходным употреблением – условий употребления данной единицы в речевых актах определенного типа. В нашем случае это предпочтительное употребление инфинитивных конструкций с *дать* в речевых актах просьбы-запроса, а также ограничения на их использование в перформативных речевых актах. Насколько нам известно, до настоящего времени дискурсивные параметры такого рода всерьез не исследовались в качестве критериев грамматикализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 2003 – Ю.Д. Апресян. *Разрешать* 1, *позволять* 1, *дозволять* 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003.
- Барентсен 2003а – А. Барентсен. О побудительных конструкциях с исполнителем 1-ого лица // Dutch contributions to the Thirteenth international congress of Slavists. Ljubljana: Linguistics. Amsterdam; New York, 2003.

- Барентсен 2003б – А. Барентсен. О некоторых изменениях в употреблении выражений призыва к совместному действию в русских текстах последних двух столетий // W. Honselaar, H. Van der Tak et al. (eds.). *Time flies. A festschrift for William R. Veder*. Pegasus Oost-Europese Studies 2. Uitgeverij Pegasus. Amsterdam, 2003.
- Бенвенист 1974 – Э. Бенвенист. Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. М., 1974.
- Грамматика 1970 – Грамматика современного литературного языка. М., 1970.
- Грамматика 1980 – Русская грамматика. М., 1980.
- Иорданская 1985 – Л. Иорданская. Семантико-синтаксические особенности сочетаний частицы *не* с иллюкутивно-коммуникативными глаголами в русском языке // Rling. 1985. V. 9. № 2–3.
- Кибрик, Подлеская 2003 – А.А. Кибрик, В.И. Подлеская. К созданию корпусов устной русской речи // НТИ. 2003. Сер. 2. № 10.
- Козинский 1985 – И.Ш. Козинский. Кореферентные связи инфинитивных оборотов в русском языке // В.С. Храковский (ред.). *Типология конструкций с предикатными актантами*. Л., 1985.
- Недьялков, Никитина 1965 – В.П. Недьялков, Т.Н. Никитина. О признаках аналитичности и служебности (на материале каузативных конструкций) // В.М. Жирмунский, О.П. Суник (ред.). *Аналитические конструкции в языках различных типов*. М.; Л., 1965.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива). М., 1996.
- Пекелис 2002 – О.Е. Пекелис. Субъект зависимого инфинитива в русском и итальянском языках (проблема контроля) // Неопубликованная дипломная работа (РГГУ). М., 2002.
- Подлеская 2004 – В.И. Подлеская. Глагольные категории во взаимодействии: русские пермиссивные конструкции со вспомогательным глаголом *дать* // *Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В.С. Храковского*. М., 2004.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Храковский, Володин 1986 – В.С. Храковский, А.П. Володин. Семантика и типология императива: русский императив. Л., 1986.
- Шмелева 1990 – Е.А. Шмелева. Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский (ред.). *Функционально-типологические аспекты анализа императива*. Ч. 2. Л., 1990.
- Heine et al. 1993 – B. Heine, T. Guldeman, C. Kilian-Hatz, D.A. Lessau, H. Roberg, M. Schladt, T. Stolz. *Conceptual shift: A lexicon of grammaticalization processes in African languages* [Africanische Arbeitspapiere]. Institut für Africanistik, Universität zu Köln, 1993.
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge, 2002.
- Hopper, Traugott 1993 – P.J. Hopper, E.C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge, 1993.
- Jackendoff 1972 – R.S. Jackendoff. *Semantic interpretation in generative grammar*. Cambridge (Mass.), 1972.
- Lakoff 1992 – G. Lakoff. The contemporary theory of metaphor // A. Ortony (ed.). *Metaphor and thought*. Cambridge, 1992.
- Langacker 1995 – R.W. Langacker. *Foundations of cognitive grammar*. V. 1–2. Stanford, 1995.
- Lyons 1978 – J. Lyons. *Semantics*. Cambridge, 1978.
- Newman 1993 – J. Newman. The semantics of giving in mandarin // R.A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn (eds.). *Conceptualizations and mental processing in language*. Berlin; New York, 1993.
- Newman 1996 – J. Newman. Give: a cognitive linguistic study. Berlin; New York, 1996.
- Newman 1997 – J. Newman (ed.). *The linguistics of giving*. Amsterdam; Philadelphia, 1997.
- Shibatani 1994 – M. Shibatani. Benefactive constructions. A Japanese-Korean comparative perspective // N. Akatsuka (ed.). *Japanese / Korean linguistics*. V. 4. Stanford, 1994.
- Shibatani 2001 – M. Shibatani. Introduction: Some basic issues in the grammar of causation // M. Shibatani (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Taub 1998 – S. Taub. The relation between grammaticalization and event structure metaphor: evidence from Uighur auxiliaries // J.-P. Koenig (ed.). *Discourse and cognition: bridging the gap*. Stanford, 1998.
- Toops 1988 – G.H. Toops. The Russian verb *da(va)t'*: its status as a causative auxiliary // *University of Chicago working papers in linguistics*. V. 4. 1988.
- Toops 1991 – G.H. Toops. Russian “*da(va)t'*” + infinitive: ‘to give’, ‘to let’, or ‘to have’? // Rling. T. XLV. № 151/152. 1991.